считал, что Краледворская рукопись понятнее русскому читателю, чем «Слово о полку Игореве»). Перевод В. Ганки был неодобрительно встречен и в Чехии, и в России. В Чехии один Ант. Марек, не менее горячий сторонник общеславянской азбуки и общеславянского литературного языка, чем сам В. Ганка, сочувственно отозвался о его работе. В России «Вестник Европы» потешался над В. Ганкой, высмеивая его малограмотное русское предисловие: «Имеем долг поблагодарить почтенного г. Ганку за преподанное нам наставление собственным примером, что никогда не должно писать без крайней нужды на таком языке, который хотя мы и разумеем, но которому не училися с малолетства, одним словом, на языке, которого не можем назвать своим природным».[34]

Признавая все недостатки работы В. Ганки, обусловленные различными причинами, среди которых не последнее место занимают его противоречивые, а частью и реакционные политические взгляды (руссофильство, стремление к всеславянской монархии под эгидой России), мы все же не должны оценить эту работу только отрицательно. Перевод И. Юнгманна, вероятно, был довольно хорошо известен в кругах деятелей чешского возрождения; возможно, он читался в кругу людей, составлявших кружок И. Добровского, с ним были знакомы Ант. Марек, И. Мюллер, Я. Неедлы — издатель журнала «Гласатель», в котором И. Юнгманн хотел напечатать свой труд. Работа была уже подготовлена к печати, однако «Гласатель» так и не вышел до 1818 г., и перевод не был опубликован. Только издание В. Ганки познакомило широкого читателя со «Словом о полку Игореве», и в этом, прежде всего, его значение. Перевод В. Ганки по своему уровню значительно ниже, чем перевод его предшественника. Сравнительная оценка этих переводов облегчается тем, что оба переводчика, и Юнгманн, и Ганка, стремились к точному переводу. Цели их совпадали не целиком: если И. Юнгманн в основном считал свой перевод практическим средством для обогащения чешского языка, то В. Ганка прежде всего хотел сделать шаг вперед на пути выработки общеславянского литературного языка; но в обоих случаях были неизбежны заимствования из текста «Слова о полку Игореве». И здесь перевод И. Юнгманна значительно превосходит перевод В. Ганки по своей ценности: осторожные лексические заимствования, сделанные И. Юнгманном, действительно обогатили словарный состав чешского языка (разумеется, опосредствованно, через другие работы И. Юнгманна, так как перевод не был опубликован в свое время). В. Ганка же попытался «приладить» чешский язык к оригиналу, и перевод его вряд ли был понятнее читателю, чем само «Слово о полку Игореве». Однако, повторяем, значение работы В. Ганки именно в том, что это было первое печатное издание «Слова о полку Игореве» в Чехии, которое познакомило чешского читателя с замечательным памятником древней русской литературы.

Было бы неверно оценивать переводы «Слова о полку Игореве», выполненные И. Юнгманном и В. Ганкой, только, и даже главным образом, с точки зрения его изучения. Хотя некоторые соображения относительно памятника, высказанные Юнгманном и Ганкой (особенно первым), и имели определенную ценность в свое время (например, относительно ритмики «Слова о полку Игореве»), но основное не в этом. Прежде всего эти переводы свидетельствуют об интересе к русской культуре, и в частности к литературе, непрерывно возраставшем с усилением национально-освободительной борьбы чешского народа: судьбы чехов неизменно связывались с судьбой славянства, и надежды возлагались прежде всего на русский

[34] Вестник Европы, 1822, № 18, стр. 157—159.